

АННА
ЛАПИНА

Здравствуй,
ПАПА - ОФИЦЕР

ЦЕЛЬ ВЕРНУТЬ СЕМЬЮ

Анна Лапина

Здравствуй, папа-офицер!

Цель вернуть семью

<https://litres.ru/74532232>

Аннотация

— Папа! Наконец-то ты пришёл! Папа? Ошарашенно смотрю на незнакомую малышку передо мной. Она явно обращается ко мне. — Эм... привет? — Ты долго! — упрекает она, хмурия брови. — Мама всё время говорила, что ты самый сильный и самый быстрый, а ты так долго шёл! — Я... торопился изо всех сил, — бормочу, пытаюсь сообразить, что вообще происходит. Какой я, к чёрту, папа? Где бы я успел? Там, где я был последние шесть лет, из женщин была только одна уборщица. Бабушка лет семидесяти... — Простите за такой сюрприз, конечно, — заговаривает молодая девушка, подошедшая к нам. — Ваша бывшая жена, Таня, вообще этого не хотела, но и я оставаться с девочкой не могу. Так что знакомьтесь — это Мила, ваша дочь, — представляет девочку она. — У меня срочные дела, а Мила должна быть с отцом, раз её мама не в состоянии позаботиться о вашей дочери... Дочь? У меня есть дочь?.. И что мне теперь с ней делать?.. Она же ребёнок, а я привык... только армией командовать...

Книга - участник литмоба второй шанс для офицера

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	42
Глава 4	57
Глава 5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Глава 1

Яков

Выжимаю последний подход на тренажёре.

Мышцы горят. Пот стекает по виску, а в ушах гремит бод-
рый рок.

Ещё немного, и я докажу этому железу, кто тут главный!

Три...

Два...

Один!

Финиш!

С облегчением опускаю вес и вытираю пот со лба лежа-
щим рядом полотенцем. Ну как вытираю...

Этому полотенцу и самому не помешало бы лишнюю вла-
гу потерять.

Ну а что? Тренировки у меня усиленные сейчас!

Тянусь к бутылке с водой, но не могу игнорировать: теле-
фон разрывается на краю скамьи.

Недовольно морщусь.

Кто бы это ни был, он явно не ценит мои спортивные до-
стижения.

Беру аппарат, уже готовясь послать мешавшего, но номер
моему телефону не знаком.

Ну ладно. Может, что-то важное!

— Да? — отвечаю, пытаюсь отдышаться и одновременно

отцепить от руки липкий фитнес-браслет.

Тот, как назло, прилип намертво, словно решил стать частью меня.

— Яков Евгеньевич Фрост? — строго спрашивает женский голос.

— Он самый, — отвечаю, наконец побеждая браслет и бросая его на скамью. — Но сегодня я просто Яков, который пытается выжить после тренировки.

— Вас беспокоят из городской больницы № 3, — игнорируя мою мини-шутку, заговаривает женщина. — Ваш номер указан как контактный для пациентки Татьяны Елизаровны Вольной. Она попала в дорожно-транспортное происшествие.

Миг, и мир вокруг замирает. Музыка в тренажёрной комнате всё ещё гремит, но я её не слышу. В голове только одно.

Таня...

Моя бывшая жена...

Развелись с ней шесть лет назад со скандалом и громкими обидными словами.

Кризис, мать твою...

Собственно, после развода моя жизнь и разделилась на «До» и «После». До — я был успешным бизнесменом, вечно воюющим с братцем-дураком, но, главное, влюблённым безумцем, но не без своих тараканов в голове. После же... ушёл служить, а управление своей частью бизнеса отдал бра-

ту.

Без Тани мне всё это было не нужно...

— Что с ней? — мой голос звучит хрипло, будто не мой.

— Состояние тяжёлое, — оповещает меня, скорее всего, медсестра. — Она в реанимации. Просим вас приехать как можно скорее.

— Еду! — выкрикиваю я и отключаюсь.

Бросаю телефон в карман и уже несусь к выходу, но оста-
навливаюсь.

В душ на три минуты! Иначе там у всех нос пробьёт! Даже
у ковидных обоняние вернётся.

Быстро ополаскиваюсь, натягиваю на себя чистое и бегу
на выход, чуть не сбив с ног улыбчивого личного инструктора,
который как раз собирался предложить мне новый су-
перэффективный план тренировок.

Для этого и приехал, но не время!

— Простите! — бросаю на ходу. — У меня тут... э-э-э...
семейный форс-мажор. Никакой тренажёр не важнее быв-
шей жены в больнице!

Инструктор смотрит мне вслед с недоумением, а я уже вы-
скакиваю на улицу и машу рукой водителю.

Сейчас лучше за руль не садиться.

Только бы успеть!

Называю водителю адрес больницы и самыми лестными
словами прошу его поторопиться, иначе уволю.

По дороге воспоминания наплывают одно за другим. Буд-

то специально решили устроить сеанс ностальгии в самый неподходящий момент.

«— Яков, я не кукла для украшения дома! — ругается Таня, стоя передо мной в этом ужасном голубом платье. Ненавижу его. Слишком яркое и вызывающее. — Я хочу работать, творить, жить своей жизнью!

— Твоей жизнью? — парирую ей с ухмылкой и недоумением, чего ей не хватает. — У тебя есть всё! Дом, прислуга, деньги. Чего ещё надо? Сиди, отдыхай, рожай наследников! Это и есть твоя жизнь.

— Ты меня не слышишь! — она сжимает кулаки и морщит свой красивый носик. — Ты видишь во мне только дополнение к своему идеальному миру!

— Мой мир идеален, потому что продуман до мелочей, — отрезаю я. — А ты хочешь всё разрушить своими... амбициями.

— Амбиции? Это стремление быть собой?

— Быть собой ты можешь и дома! — выношу вердикт, запрещая ей идти работать.

Вот зачем ей эта работа? Будет приходить уставшая, раздражённая и нервная. На меня совсем времени не будет! Я не для того женился и пашу двадцать четыре на семь, чтобы моя жена уставала!»

В ответ она тогда посмотрела на меня так, что мне стало не по себе. Будто увидела насквозь и разочаровалась окончательно.

Молча собрала вещи и ушла. Без скандалов, без слёз — просто исчезла из моей жизни. И вот теперь — авария...

И я бы не поехал! До сих пор не могу её простить. За то, что ушла тогда, развелась из-за тараканов в своей голове. Может, и я перегнул, но ведь это не повод уходить!

Но... у Тани никого нет. Детдомовская она.

А я не зверь, и, в конце концов, мы не чужие люди. Может, ей что-то нужно. Лекарства там... Врачи...

Могу ведь помочь.

Да и... переживаю люто.

Машина резко тормозит на светофоре, и я чуть не впечатываюсь лбом в переднее стекло.

— Эй, полегче! — рычу на парня. — Мне ещё нужно добраться живым, чтобы убедиться, что с ней всё в порядке.

— Извиняюсь, — бросает водитель, поглядывая на меня виновато. — Пробки, сами понимаете.

Откидываюсь на сиденье и сжимаю кулаки.

Держись, Таня!

Я уже еду!

Врываюсь в больницу, чуть не сбив с ног хрупкую медсестру с тележкой лекарств.

Кажется, у меня миссия — сбить кого-то сегодня. Не иначе!

— Простите! — выкрикиваю бедняжке на бегу. — Где реанимация? — спрашиваю девушку за стойкой, навалившись на неё. — Пациентка Татьяна Вольная! ДТП вроде как.

Медсестра, невозмутимо поправив очки, заглядывает в свой компьютер, что-то нажимает, а после также мучительно долго поднимает взгляд на меня и жестом руки указывает направление.

— Прямо по коридору, потом налево, — произносит, а последнее добавляет уже на ходу. — Но к пациентке пока нельзя.

Пфф! Мне и нельзя?

Это она плохо меня знает!

Мне всё можно!

Мчусь по стерильным коридорам, скользя кроссовками по глянцевой плитке.

Только бы она была в порядке!

У дверей реанимации торможу, чтобы перевести дух.

Тихо и уже спокойно захожу в зону ожидания. В небольшой комнатке стоит несколько кресел, стол с потрёпанными журналами про здоровье и огромный плакат «Сохраняйте спокойствие».

Бросаю взгляд на плакат и невольно хмыкаю.

Ага, конечно. Сохранять спокойствие, когда у тебя кто-нибудь близкий в реанимации! Легко сказать!

Здесь все на нервах.

Подхожу к стойке информации и, с трудом дождавшись своей очереди, обращаюсь к ней, прекрасно зная, что дальше права пустить меня у них нет. Это потом отдельно обсудим. Так что вся информация только от медсестричек пока.

— Я по поводу Татьяны Вольной, — сразу же произношу.
— Что с ней?

Девушка за стеклом смотрит на меня с профессиональной сочувственной улыбкой. Опускает взгляд и, сверившись со списками, возвращает своё внимание мне.

— Пациентка в коме, — мягко сообщает она. — Состояние тяжёлое, но стабильное. Врачи делают всё возможное.

Мир снова замирает.

В коме...

Рукой хватаюсь за стену, чтобы не упасть.

Медленно отхожу от стойки и сажусь в жёсткое кресло, которое явно не проектировали для комфорта.

Оно такое неудобное, что, кажется, специально создано, чтобы люди не задерживались в зоне ожидания и не мозолили глаза врачам.

Оглядываюсь по сторонам. Рядом со мной сидит пожилой мужчина с газетой. Он бросает на меня сочувственный взгляд и говорит:

— Держитесь, — пытается меня подбодрить, но, судя по его виду, его бы самого не помешало взбодрить. — Всё будет хорошо, парень!

— Спасибо, — бросаю чисто из вежливости. — Просто... сложно.

— Да я понимаю, — он откладывает газету, цепляясь за секунду отвлечься от своих собственных переживаний. — Я тут уже третий день. Сын попал в аварию. Врачи говорят, что

шансы есть. Главное — верить.

— Верить, — повторяю, чувствуя волнение. А что если Таня умрёт? — Да, точно. Верить.

Он улыбается и возвращается к газете. А я снова погружаюсь в мысли о том, что делать.

С одной стороны, нужно узнать у врачей, нужно ли что-то, помочь как-нибудь. А с другой... чего я так переживаю? Мы давно развелись. Может, у неё муж другой уже есть. А здесь я...

Хотя, будь у неё муж, разве был бы мой номер как контактный?

А может, просто забыла поменять?

Из размышлений меня вырывает голос медсестры.

— Родственник Татьяны Вольной? — спрашивает та же девушка со стойки.

Вскакиваю так резко, что кресло издаёт жалобный скрип. Поднявшись, в два шага оказываюсь перед её стойкой.

— Да! Я здесь! Что с ней? — выкрикиваю так, что все меня слышат и морщатся от моего голоса.

А чего они хотят от офицера?

Привык я так общаться.

— Пока без изменений, — успокаивает она меня. — Но врачи продолжают наблюдение. Как только будет какая-то динамика, мы вас оповестим.

— Можно хотя бы мельком взглянуть? — прошу почти

умоляюще.

— К сожалению, пока нет, — слегка устало и неискренне выдавливает улыбку. — Но вы можете оставить контакты, — произносит, протянув мне лист для заметок и ручку. — Мы позвоним при любой новости.

— Может, ещё помощь нужна какая-то? Лекарства? Специалисты покруче? — уточняю у неё. — Я всё достану. Просто скажите.

— Сейчас уточню у доктора, — отзывается она.

Киваю, записываю номер и протягиваю всё девушке.

Медсестра улыбается ободряюще и уходит.

Возвращаюсь к креслу, чтобы дождаться ответа, а затем со спокойной душой уйти.

Нервно поглядываю на часы. Уже целых тринадцать минут сижу в этом проклятом кресле. Жёстком, неудобном и раздражающем. Будто специально созданном для пыток родственников пациентов. Мозг продолжает прокручивать разные варианты будущего. Но в одном я уверен: Таня вновь замуж не вышла. Если бы вышла, её муж был бы здесь.

Значит, не зря приехал.

Кто-то должен позаботиться о Тане.

Но что теперь? Что делать? Как быть?

Отвлекаюсь лишь когда до ушей доносится топот маленьких ножек. Быстрый, весёлый, совершенно не подходящий к атмосфере больницы.

И это точно ребёнок!

Благодаря младшему братцу я этот звук наизусть выучил.

Поднимаю глаза и вижу, что ко мне бежит девочка лет пяти с белоснежными волосами, собранными в два торчащих в разные стороны хвостика.

Как у меня, блонд... Редкий цвет. Мне от отца достался. Горжусь своим блондом. Девчонке тоже повезло.

Не успеваю опомниться, как она уже прыгает мне на колени, обхватывает ручонками за шею и звонко кричит:

— Папа! — звенит своим голоском. — Наконец-то ты пришёл!

Мир снова замирает.

Папа?

Это слово эхом отдаётся в голове.

Какой я, к чёрту, папа?

Где бы я успел?

Там, где я был последние шесть лет, из женщин только одна уборщица. Бабушка лет семидесяти...

Ошарашенно смотрю на девочку, потом по сторонам, надеясь, что это какая-то ошибка, что она перепутала меня с кем-то.

Но нет. Она смотрит прямо на меня огромными голубыми глазами, такими же, как у Тани.

— Эм... привет? — выдаю растерянно, чувствуя себя полным идиотом.

— Ты долго! — упрекает она, хмуря брови. — Мама всё время говорила, что ты самый сильный и самый быстрый, а

ты так долго шёл!

— Я... э-э-э... торопился изо всех сил, — бормочу, пытаясь сообразить, что вообще происходит.

Рядом появляется молодая женщина. Мама девчонки, судя по детскому рюкзачку в её руках.

Она слегка виновато улыбается.

— Твоя мама пришла, девочка... — обращаюсь к малышке, что по-хозяйски устроилась у меня на коленях и, судя по всему, уходить не собирается.

— Я не мама, Яков Евгеньевич, — заговаривает женщина, отдавая рюкзачок девочке. Откуда она знает, как меня зовут? — Я Марина, соседка и подруга Тани и Милы.

Опускаю взгляд на девочку.

Ну нет...

Быть такого не может!

Это же не дочка Тани? Да?

Нет, малышка точно её дочь. Взгляд тот же. Хочется тут же отдать ей всё на свете.

Ведьминский голубой взгляд!

Точно дочь моей Тани!

А отец?

Обрюхатил и бросил?

— Простите за такой сюрприз, конечно, — продолжает Марина. — Таня вообще этого не хотела, но и я оставаться с девочкой не могу. Мне на работу нужно. Её оставить не с кем. И у меня нельзя... Так что знакомьтесь — это Мила,

ваша дочь, — представляет девочку она. — Таня скрывала беременность и рождение ребёнка, решив воспитывать девочку одна. Теперь, когда вы обо всём знаете, я думаю, будет правильно, если Мила пока побудет с вами. Я правда не могу её оставить у себя.

Дочь?

Моя дочь?

Пять лет?

И я ничего не знал?

— По... подождите, — пытаюсь собраться с мыслями. — Вы хотите сказать, что эта очаровательная юная леди... — киваю на Милу, которая теперь изучает мои наручные часы, — ...моя дочь? И вы просто... оставляете её мне? Сейчас? Здесь? В больнице?

— Именно так, — кивает подруга Тани. — У меня срочные дела, а Мила должна быть с отцом. Всё, пока! Буду на связи! В рюкзачке есть мой номер. Наберите чуть позже, и я отвечу на все вопросы, а сейчас я правда спешу!

И она разворачивается и уходит, прежде чем я успеваю сказать хоть слово.

Просто берёт и уходит!

А если я не отец?

А если я тиран?

Оставляет ребёнка неизвестному человеку?

Ненормальная!

— Папа, а мы пойдём к маме? — Мила дёргает меня за

рукав и включает этот свой ведьмин взгляд.

— Э-э-э... да, конечно, — машинально отвечаю, не зная, как реагировать на всё происходящее. — Только... знаешь что? Давай сначала познакомимся получше?

— Мы уже познакомились! — уверенно заявляет Мила, пожав плечами. — Ты мой папа, я твоя дочка. Всё!

— Ну, формально да, — хмыкаю, соглашаясь с её логикой. — Но я имел в виду... узнать друг друга получше. Что ты любишь?

— Мороженое! И мультики про принцесс! И качели! И маму! — выпаливает она на одном дыхании.

Смотрю на эту маленькую ураганную личность, сидящую у меня на коленях, и понимаю, что моя жизнь только что перевернулась с ног на голову.

Пять лет!

Пять лет я не знал, что у меня есть дочь!

— А ещё я умею рисовать! — гордо сообщает Мила и начинает рыться в своём крошечном рюкзаке. — Сейчас покажу!

Через секунду на моих коленях оказывается альбом и восковой мелок. Мила решительно рисует что-то, сосредоточенно высунув кончик языка.

— Это мы! — объявляет она, показывая рисунок.

На нём три фигурки: высокая с длинными волосами и в платье — мама; большая с жёлтым ёжиком на голове — папа; маленькая в платице — она. Все держатся за руки.

Моё сердце делает сальто.

Боже, она считает, что мы семья.

А я даже не знал о её существовании!

Ну придёшь в себя, Таня! Я тебе устрою!

Если дочь и правда моя, а на этот вопрос мне ответит ДН-

К-тест, то получит у меня Таня по самые не балуй!

Скрывать от меня дочь!

Вот ведь ведьма!

— Очень красиво, — хрипло отвечаю, прочищая горло.

— Просто замечательно.

— Правда? — её глаза загораются. — Тогда я нарисую ещё!

Пока она рисует, аккуратно достаю из рюкзака записку с номером Марины. Вбиваю номер в телефон.

— Зайчик, давай ты здесь порисуешь, — отсаживаю девочку чуть подальше, чтобы спокойно поговорить с дурёхой, что отдала маленькую беззащитную девочку неизвестному мужлану.

Марина поднимает трубку не сразу. Уже когда я собираюсь сбросить звонок.

— Алло!

— Это Яков! — сразу же называю своё имя.

Несколько секунд молчания, затем вздох. Уставший вздох.

— Яков, — начинает она после паузы. — Я понимаю, что это шок. Но у меня действительно срочные дела, а Мила

должна быть с отцом.

— С отцом? Вы уверены, что я её отец? — спрашиваю её.

— У Тани никого не было все эти годы. Она как въехала в квартиру по соседству беременной, так и родила, — отвечает девушка. — Да и к тому же... Вы с ней похожи. По фото я находила сходства тоже, но, увидев вас сегодня в реальности, поняла, что Мила очень на вас похожа.

Ну тут она права...

Мила и правда на меня похожа.

Понятно, откуда у неё этот редкий цвет волос. В меня пошла. Или в своего дедушку, то есть моего отца.

— Вы уверены, что сделали всё правильно? — продолжаю спрашивать, поглядывая на девочку. — Отдали мне девочку? Прямо сейчас? В больнице? Вы уверены, что нет какого-то... запасного плана?

— Никаких запасников, — отзывается она. — Только вы. Таня много рассказывала о вас. Говорила, что вы надёжный и хороший человек, поэтому, когда я узнала про аварию, сразу дала ваш номер и привезла девочку. Я уверена, что вы хороший человек!

— Ну, в теории да, — бормочу. — Но конкретно в вопросах пятилетних дочерей я пока полный ноль.

Мила тем временем изучает мои наручные часы с таким видом, будто пытается взломать секретный код.

— Папа, а почему эти штучки ходят туда-сюда? — она тычет пальчиком в стрелки.

— Это... механизм, — выдаю глубокомысленно. — Очень сложный.

— А можно его разобрать? — загорается она.

— Нет! — выпаливаю я слишком резко. — То есть... давай лучше не будем. Часы, они такие... хрупкие...

И это подарок отца. Его часы... Жалко отдавать ребёнку, как игрушку.

Подруга Тани подавляет смешок в трубке.

— Мила обожает всё разбирать, — поясняет она. — Будьте осторожны с мелкими деталями в доме.

— Замечательно, — вздыхаю я. — Значит, мой особняк скоро превратится в мастерскую юного инженера... Потому что разобрать у меня много чего можно...

Няньку надо нанять.

А может, попросить невестку приехать?

Я с её детьми сидел, пока она в больнице лежала. Пора ей долг отдавать!

Я и сам справлюсь, но я совершенно не знаю, как воспитывать ребёнка, а тем более девочку.

— Так вот, — продолжает Марина. — Таня скрывала беременность и рождение Милы. Она боялась, что вы... как бы это сказать...

— Запрещу ей работать, буду настаивать, чтобы сидела дома и рожала наследников? — заканчиваю я за неё, догадавшись уже.

— Примерно, — кивает она. — Она хотела дать Миле ста-

бильность, но без вашего... специфического взгляда на семью.

— Понятное дело... Я был тем ещё диктатором.

Отношение к тому, что женщина может работать, я уже пересмотрел. На примере брата и его жены понял, что это допустимо иногда.

Правда, Таня у меня трудоголик, и «чуть-чуть» у неё не вышло бы. С головой ушла бы в работу, забыв о семье.

Но сейчас я даже не знаю, как поступил бы. Возможно, предложил бы какой-то компромисс.

Только время уже утеряно.

Подруга Тани тактично покашливает, напоминая о себе.

— Яков, мне правда пора. Мои контакты теперь у вас есть. Если будут вопросы — звоните, — великодушно позволяет эта ненормальная. — Но я уверена, вы справитесь. Мила очень умная и самостоятельная девочка.

— Самостоятельная — это я уже понял, — смотрю на Милу, которая пытается незаметно расстегнуть застёжку моих часов. — И любознательная.

Отключаю звонок и ещё несколько секунд наблюдаю за этой мелкой с ловкими ручками.

— Бандитка, — зову этого ангелочка белоснежного, и она тут же одёргивает руки, словно бы не пыталась с меня часики стащить.

Но ничего сказать больше я не успеваю. Из реанимации выходит врач.

Вскакиваю, стараясь не задеть Милу.

— Порисуй ещё! — прошу её, указав на альбом.

Кивнув, девочка принимается за работу, а я подхожу к мужчине в халате.

— Доктор, как Татьяна Вольная? — спрашиваю его, заметив её карту в его руках. — Есть изменения?

— Пока без изменений, — отвечает он, бросая любопытный взгляд на Милу. — Но динамика положительная.

— Понятно, — киваю я. — Спасибо. Я спрашивал о том, нужно ли что-то? Вы не стесняйтесь! Лекарства получше? Может, специалистов каких-то?

— Пока ничего не нужно, — отвечает мне, но, задумавшись, добавляет: — Но есть несколько препаратов, которые могут понадобиться после.

— Пишите! Всё достану!

Подойдя к стойке, он берёт со стола медсестры лист для записок и что-то черкает в нём.

— Пап! — зовёт и тянет меня за рукав Мила, которая подкралась так тихо, что я даже слегка испугался.

— Что?

— Папа, а можно я тоже скажу маме, что нарисовала нас?

— Конечно, солнышко, — я сглатываю ком в горле. — Конечно, мы вместе пойдём и покажем маме твой рисунок! Если доктор разрешит, конечно! Сама понимаешь... мама болеет, а на нас микробы.

Пять лет...

Я пропустил пять лет её жизни!

— А мороженое будет? — неожиданно спрашивает Мила, глядя на меня с надеждой. И вновь этот взгляд Танин. Ведьминский.

Не выдерживаю этого приёма и начинаю улыбаться.

— Будет, милая! Обязательно будет! И мороженое, и мультики, и качели. Всё будет! — обещаю ей. — Сейчас дядя отдаст нам бумажку, и пойдём!

Она радостно хлопает в ладоши, а я смотрю на неё и впервые за долгое время чувствую, как внутри что-то теплеет.

Может, это и есть отцовство?

Глава 2

Стою рядом с Милой и всё ещё пытаюсь осознать, что эта очаровательная белокурая непоседа — моя дочь.

Мозг отказывается принимать новую реальность.

Пять лет.

Пять лет я не знал, что у меня есть ребёнок.

Как Таня могла так поступить?

Хотя... зная её гордость...

Мила поднимает на меня свои огромные голубые глаза, кажется, устав ждать записку от доктора.

Хватило её на две минуты ожидания.

Непоседа... Вся в меня.

— Папа, а мы пойдём гулять? — спрашивает она, смешно складывая губы. — Мама обещала, что когда ты найдёшься, мы будем гулять каждый день! Не только когда после садика идём или у мамы выходной.

— Э-э-э... найдёшься? — переспрашиваю её, пытаюсь всё же понять, что дочери сказала Таня.

О том, кто её отец, она девочке сказала.

А вот где я? Очень интересный вопрос. И мне нужно это знать, чтобы поддержать легенду и не ломать ребёнку психику.

— Да! — кивает Мила. — Мама говорила, что ты потерялся, но обязательно найдёшься. Что ты очень быстрый, по-

этому уже быстро ищешь нас. И ещё мама сказала, что ты будешь самый лучший папа на свете!

Потерялся...

Ну да, можно и так сказать...

Потерялся в своих амбициях, контроле и дурацких представлениях о семье.

— Конечно, солнышко, — хрипло отвечаю я. — Мы будем гулять. И не только гулять.

— Ура! — Мила хлопает в ладоши. — А мороженое точно будет? Мама иногда обещала, но не покупала, потому что у нас было мало денежек.

Мало денег!

Моя дочь знает, что такое мало денег, в то время как я даже не знаю, сколько у меня на счетах.

Нет, я точно дождусь, пока Таня придёт в себя, чтобы придушить!

Мало того, что ушла беременной! Так ещё и такой чуши мою дочь учит! Приучила её!

— Будет, — отвечаю, напряжённо глядя перед собой и представляя всё то, что хочу сделать со вторым родителем своей дочери. — Всё у тебя теперь будет, родная!

— Папа, — Мила вновь привлекает моё внимание. — А почему ты такой грустный?

— Я не грустный, — быстро отвечаю, натянув улыбку. — Просто... думаю, куда бы нам пойти сначала. Может, в парк?

— В парк! — радостно вскрикивает Мила. — Там качели!

И утки! И мороженое!

— Значит, в парк, — составляю план. — Но сначала... — я оглядываюсь по сторонам. — ...нам нужно кое-что обсудить.

— Что? — Мила смотрит на меня с любопытством.

— Правила безопасности, — торжественно объявляю. — Правило номер один: никаких разбираний часов. Правило номер два: держаться за руку на улице. Правило три...

— Мороженое каждый день? — с надеждой перебивает она.

Я не выдерживаю и смеюсь:

— Ладно, пусть будет правило три: мороженое — по особым случаям. А особых случаев у нас будет много.

— Ура! — Мила снова хлопает в ладоши. — Ты самый лучший папа! — кидается ко мне на шею обнимать, не дав договорить все правила.

Но и они теряются, когда я чувствую эту неописуемую любовь ребёнка. Моего ребёнка.

Я чувствую себя лучшим папой...

Лучшим папой, который только что узнал о существовании своего чада...

Позор!

Подойдя, врач приносит записку, вслух озвучивает ещё раз названия — на случай, если его вполне аккуратный почерк окажется неразборчивым. Убеждаюсь, что меня будут держать в курсе состояния Татьяны, и отпускаю доктора.

— Пойдём, — произношу и беру Милу за руку. — В парк. К качелям, уткам и... возможно, мороженому.

Мила радостно подпрыгивает рядом, болтая ножками, а я иду по коридору больницы, крепко сжимая её маленькую ручку.

В голове всё ещё хаос, но одно я знаю точно: теперь я отец, и бездельничать нельзя. Нужно взять ответственность за этого ребёнка. Благо у меня есть и финансовые, и моральные возможности это сделать.

Да и отпуск у меня. Время познакомиться и позаботиться о дочери тоже есть. Но няню я всё же найму. Лишним не будет.

Выхожу из больницы, слабо держа маленькую бандитку за руку.

У неё рука размером в два моих пальца.

Крошечная...

Боюсь даже сжать её ручку чуть сильнее. Сломаю ведь, точно!

Мила вертит головой во все стороны, как маленький любопытный совёнок, и сыплет вопросами быстрее, чем я успеваю на них отвечать.

— Папа, а почему у той тёти такая большая сумка? — озвучивает она очередной свой вопрос, который появляется в её голове, кажется, рандомно. — Она туда слона спрятала?

— Э-э-э... вряд ли, — улыбаюсь, а в голове тут же всплывает этот вид. — Наверное, там много нужных вещей.

— А вон та машина красная, как конфета! — малышка пальчиком указывает на ближайшую тачку. — А мы поедem на такой?

— Нет, солнышко, мы поедem на моей, — отвечаю, стараюсь выдержать наплыв интереса. Так-то у меня племянники есть. Я к такому привык, но, пожалуй, дети брата не такие болтливые. — Она не красная, но очень удобная.

— А она быстрая? Быстрее конфеты?

— Быстрее, — смеюсь, на секунду даже застыв. Завидую детям. Могут задавать любые вопросы и нести такой бред порой... Никто им и слова не скажет. — Хотя конфеты обычно не особо торопятся.

В моём детстве у меня такой роскоши не было. Вначале няньки, на которых меня скинули родители. Затем уход отца из семьи и появление отчима, который тут же меня в Суворовское сдал...

Поймав взгляд водителя, который ждёт у обочины в моём чёрном внедорожнике, подзываю его. Мила замирает, разглядывая машину, из которой тот выходит.

— Ого! — восхищённо выдыхает малышка, открыв свой небольшой ротик так широко, что мне тут же хочется себе врезать. Пока я жировал, моя дочь даже не видела таких машин. Позор мне как отцу. И нотации её матушке за то, что лишила свою дочь всего этого. — Она как замок на колёсах!

— Можно и так сказать, — открываю дверь. — Залезай, принцесса.

Мила забирается на заднее сиденье, я устраиваюсь рядом. Знаю, что без кресла детского в машине нельзя, но пока мы с Милой погуляем, водитель всё купит. Сейчас его взять неоткуда.

— Поехали домой вначале, — обращаюсь к малышке. — Я переоденусь, наверное. А потом что-нибудь придумаем.

— Хорошо, — отзывается она.

— Домой! — говорю водителю.

— Домой! — радостно хлопает в ладоши Мила, кажется, копируя меня и гордясь собой. — А он большой, твой дом, папа? Больше, чем детский сад?

— Намного больше, — киваю я. — Там есть сад, бассейн и даже комната для игр.

Последняя — для племянников. Они часто остаются в моём доме, когда приезжают в Москву с родителями.

Мне не жалко. Дом всё равно пустой стоит, пока я на службе.

— Бассейн? С водой? — глаза Милы загораются.

— С водой, — киваю, видя, как её взгляд становится ещё ярче. Ясно... В мать пошла. Такая же любительница поплавать. — Но купаться пока не будем, ладно? Сначала познакомимся с домом.

— Ладно, — соглашается она, но видно, что мысль о бассейне её зацепила. — А там есть качели?

— Качели... — задумываюсь. — Знаешь, думаю, мы можем их поставить. Прямо сегодня!

— Ура! — Мила подпрыгивает на сиденье. — И горку?

— И горку, — киваю. — Всё, что захочешь.

Она на секунду замолкает, задумчиво хмурит брови.

— А кот? — неожиданно серьёзно выдаёт. — У нас будет кот?

— Кот... — мысленно перебираю правила особняка. Одно из которых гласит: «Никаких животных, они портят интерьер». — Да, кот будет. Большой и пушистый. Выберем с тобой и купим.

— Отлично! — Мила удовлетворённо кивает. — Я уже придумала ему имя. Его будут звать Пушок. Или Пушинка, если девочка.

— Отличное имя, — соглашаюсь с ней, мысленно прощаясь со своими антикварными коврами.

Новые куплю!

Что ни сделаешь ради ребёнка. Ребёнка, о котором совсем недавно ты и не знал.

Машина плавно трогается, и Мила тут же прилипает к окну.

— Вау! — восклицает она. — Смотри, папа, собака в шапочке! — восклицает она.

Нахмурившись, выглядываю, чтобы понять, о чём она. И тут же понимаю: около пешеходного перехода стоит мужчина и выгуливает мопса в вязаной шапочке.

— Видимо, холодно, — комментирую с ухмылкой.

— А если жарко, он снимает шапочку? — допытывается

Мила.

— Наверное.

— А ты носил шапочку, когда был маленьким?

— Носил, — улыбаюсь. — Красную.

— Ух ты! А фото есть?

— Где-то есть, — хмыкаю. — Но это секрет.

— Секреты... это хорошо, — серьёзно кивает Мила. — У меня тоже есть секрет.

— Какой? — заинтересованно спрашиваю болтушку, которая, кажется, не умеет молчать.

— Я умею делать вот так! — она высовывает язык и пытается свернуть его трубочкой.

— Впечатляет, — искренне восхищаюсь. — У меня так не получается.

— Научить? — предлагает она.

— Давай потом, — прошу, бросив взгляд на парнишку за рулём, который уже готовится к цирку. — А то водитель лопнет от смеха.

— Не надо, чтобы он лопался, — поморщившись, тянет девочка. — Кишки будут вокруг... Не хочу быть в кишках!

Наконец мы выезжаем за город. Дорога становится шире, по сторонам появляются деревья. Значит, можно расслабиться. Скоро мы будем уже дома, а там я уже решу точно, что мне делать дальше.

Пока план простой: Мила остаётся со мной, я нанимаю няню, и мы вместе с малышкой ждём, пока её мама придёт

в себя. Но кроме этого ещё много забот.

— Это уже лес? — оторвав внимание от окна, интересуется Мила.

— Пока ещё нет, — отвечаю, взглянув на пейзажи. — Это парк. Настоящий лес дальше. Но мы туда обязательно съездим.

— На выходные?

— На выходные, — киваю. — Будем собирать грибы и ягоды.

— И шашлык кушать! — выдаёт она не своим голосом, что тут же меня смешит.

— И шашлык, — подтверждаю, глядя на то, как загорелись её глаза.

Любовь к мясу у неё от меня.

— И строить шалаш! — продолжает малышка.

— И строить шалаш, — соглашаюсь. — Ты уже строила?

— Один раз, — важно кивает Мила. — Но он упал на меня. Было смешно.

— Главное, что не больно, — вздыхаю, осознав, что даже мысль о боли Миле причиняет мне самому боль.

Наконец машина сворачивает на подъездную аллею. Впереди вырастает мой особняк, который тут же привлекает внимание маленькой будущей хозяйки этого дома.

— Вау! Это наш дом? — Мила буквально прилипает к стеклу.

— Ага.

— Это правда наш дом? И мой дом, да?! Он как дворец!

— поражённо уточняет она.

— Наш, — улыбаюсь, забавляясь её реакцией. — Твой дом.

— У меня есть дом! — она поворачивается ко мне, глаза сияют. — Настоящий дом с бассейном, качелями, горкой и Пушкин!

— Почти, — подмигиваю. — Кое-что ещё нужно доделать.

— Но мы же всё сделаем? — она хватается за ручку двери, готовая выскочить.

— Сделаем, — отвечаю и выхожу из машины. Отхожу от неё и открываю дверь дочери, протягивая ей руку. — Добро пожаловать домой, Мила.

Она выскакивает с места и фактически выпрыгивает из машины.

Кружится на месте, раскинув руки, потом бросается ко мне и обнимает за ногу.

— Спасибо, папа! — звонко за что-то благодарит. — Это самый лучший день в моей жизни!

Глажу её по голове и чувствую, как что-то в груди теплеет.

Пять лет я пропустил, но теперь я рядом с ней. И я сделаю всё, чтобы каждый её день был таким же счастливым.

— Пойдём, — беру её за руку, устремляясь к комнате, которую ещё в машине выбрал. Близко ко мне. — Покажу тебе твою комнату. Там, кстати, есть окно с видом на сад.

— С видом на сад?! — Мила тянет меня к ступеням. — Быстрее, папа, быстрее!

И я иду за ней — взрослый мужчина, владелец состояния и офицер запаса, почти вприпрыжку идёт за девочкой, потому что её радость заразительна, а улыбка светит ярче всех люстр в этом огромном доме.

И впервые за долгие годы я чувствую себя по-настоящему... дома.

Словно бы я вновь не один...

Словно бы Таня никуда не уходила...

Мы входим в особняк, и Мила замирает на пороге, задрав голову к высокому потолку с лепниной.

— Вау! — выдыхает она. — Тут можно запускать самолёты?

— Лучше не надо, — смеюсь, решив не говорить дочери, что с племянником мы уже в своё время запускали, а потом от его матери получили нагоняй. — Потолок дорогой, а самолёты иногда падают...

— Жаль, — вздыхает Мила, но тут же переключается на следующую заинтересовавшую её вещь. — А это что за штука? — она тычет пальчиком в антикварную вазу на пьедестале.

— Это ваза, — осторожно подхожу ближе. — Очень старая и очень хрупкая. Давай договоримся, что мы ею просто любимся, хорошо? Никаких обнимашек и покатушек.

— Ладно, — кивает Мила с видом человека, который

мысленно уже всё поката́л. — А там что? — она указывает на лестницу.

— Второй этаж, — отвечаю. — Там спальни. Твоя комната — самая светлая, с видом на сад.

— Пойдём! Пойдём! — Мила тянет меня за руку с силой, которой позавидовал бы и бывалый борец.

Поднимаемся наверх. Мила кружится по коридору, разглядывая портреты предков на стенах.

— Кто эти дяди и тётки? — деловито спрашивает она.

— Наши родственники, — объясняю. — Мои прадедушки, прабабушки... А твои... — замолкаю, ведя сложный процесс загрузки в её глазах.

— Они живые? — выдаёт она, невинно хлопая ресницами.

— Уже нет, — отвечаю, взглянув на фотографию отца.

Не хватает здесь лишь фотографии моего дедушки по линии отца. Он ещё жив, но предпочёл жить с моим братом и его семьёй. Они с детства привязаны друг к другу.

Его фотографию я решил сюда не вешать. Пока не вешать. Пусть живёт.

— А почему они на стенах? Эти родственники? — любопытничает малышка.

— Традиция такая, — пожимаю плечами. — Чтобы помнили.

— Понятно, — кивает Мила со знанием дела и добавляет невозмутимо: — У нас в садике на стене висят рисунки.

Тоже чтобы помнили!

Наконец мы подходим к двери детской моего племянника, которая напротив моей спальни. Интерьер в ней нейтральный: светлые стены, большая кровать с балдахином, книжные полки, уголок для игр. Пару розовых деталей добавить — и будет девичья комната. А захочет — всё в этой комнате поменяем.

Открываю её, впуская малышку, но Мила застывает на пороге.

— Это... моё? — шёпотом спрашивает Мила, указывая на ящики с игрушками.

— Твоё, — улыбаюсь я. — Всё твоё.

— Ура-а-а! — она врывается внутрь и начинает носиться по кругу, как маленький торнадо. — Тут будет мой замок! А тут — лаборатория! А тут... — она запрыгивает на кровать. — ...тут будет вулкан!

— Вулкан? — приподнимаю бровь. — Надеюсь, он не будет извергать подушки?

— Только немножко! — хихикает Мила.

Прохожу в комнату и опускаю рюкзачок Милы на кровать. Открываю его и осматриваю вещи: документы, одна пижама, одно платье, кофточка, штанишки и футболка.

Скучно. Но эта проблема решается. Купим ей новых вещей.

— Так, Мила, побудь немного здесь. Я быстро переоденусь, и поедem гулять. Много чего ещё нужно купить.

— Ура! Гулять!

Ухожу под радостные щебетания дочери.

Одеваюсь как можно скорее. И через десять минут мы с Милой уже спускаемся и садимся в машину, которая везёт нас по магазинам.

Прогулки толком не выходит, если не считать времени ходьбы от одного магазина к другому и от магазинов к ресторанам.

Возвращаемся домой — мы оба убитые, но счастливые.

Открываю шкаф, куда уже сложили вещи Милы, и достаю пижаму.

— Пора готовиться ко сну, солнышко, — отдаю одежду девочке.

Новые пакеты мы договорились завтра вместе разобрать, чтобы моя модница вновь всё примерила и порадовалась покупкам.

— Но я не хочу спать! — тут же протестует Мила. — Я ещё не всё исследовала!

— Завтра будет новый день для исследований, — терпеливо объясняю, хотя уже валюсь с ног. Даже солдаты меня так не выматывали, как день с этой юлой любопытной. — А сейчас — душ, пижама и сказка на ночь.

— Сказка от тебя? — глаза Милы загораются.

— Да, от меня, — киваю. — Но сначала гигиена.

Вызываю горничную по внутренней связи.

Через пару минут в комнате Милы появляется Анна Ивановна — дама солидная, с многолетним опытом работы в особняке. Когда меня нет, она присматривает за домом.

— Анна Ивановна, помогите Миле подготовиться ко сну, пожалуйста, — прошу её.

— С удовольствием, Яков Евгеньевич, — она улыбается Миле. — Пойдём, милая, я покажу, где тут ванная комната.

Взглянув на нового персонажа в нашем с ней тандеме, Мила цепляется за мою ногу.

— Нет! — выкрикивает дочь, испуганно глядя на Анну Ивановну. — Я хочу, чтобы папа помог! И папа почитал сказку! Уходи!

— Но, милая... — начинаю. — Я...

— Папа! — в голосе уже звучат слёзы. — Ты же обещал!

Анна Ивановна тактично делает шаг назад и шепчет:

— Яков Евгеньевич, может, вы и правда почитаете? Для первого раза...

— Хорошо, — сдаюсь я. — Давай, Мила, идём в душ, а потом — сказка. Но помоешь тебя всё же Анна Ивановна. Мужчинам нельзя мыть маленьких девочек.

— Но...

— Я пойду с тобой, но отвернусь, и тебе поможет Анна Ивановна, — настаиваю на своём. — Договорились?

— А ты точно не уйдёшь? — спрашивает она тихо.

— Точно!

Через двадцать минут Мила, чистая и в пижаме с единорогами, сидит на кровати, обложившись подушками.

Я же стою перед книжной полкой и в панике разглядываю названия: «Сказки народов мира», «Волшебник Изумрудного города», «Винни-Пух», «Питер Пэн»...

— Какую хочешь? — пытаюсь звучать уверенно.

— Эту! — Мила тычет пальцем в «Винни-Пуха».

— Отлично, — беру книгу, сажусь рядом и открываю на первой странице. — Глава первая, в которой мы знакомимся с Винни-Пухом и несколькими пчёлами...

Читаю, стараясь придать голосу нужную интонацию. Мила слушает, подперев кулачком подбородок.

— Папа, — вдруг перебивает она на середине главы, — а почему у Винни-Пуха такой смешной голос?

— Э-э-э... — я на секунду теряюсь. — Потому что он медведь?

— Но медведи рычат! — умно заключает она, обнажая то, что я накосячил.

— Этот медведь особенный, — находчиво отвечаю. — Он поёт песни и любит мёд.

— А ты можешь говорить, как он?

Вздыхаю, собираю волю в кулак и пытаюсь изобразить голос плюшевого медведя:

— Привет, Мила! Я Винни-Пух, и я очень, очень люблю мёд! — выдаю, но... В ответ Мила заливается смехом.

— Ты смешно говоришь! Ещё раз!

— Ладно, — снова перевоплощаюсь. — Мила, а ты знаешь, где тут можно найти горшочек мёда?

— В холодильнике! — выдаёт Мила. — Но мама говорит, что на ночь сладкое нельзя.

— Мудрая мама, — киваю я. — Значит, Винни-Пух подождёт до утра. А сейчас — спать.

— Ещё одну главу? — жалобно просит Мила.

— Одну, — соглашаюсь, взглянув на часы. Без пятнадцати десять. За пятнадцать минут успею. А дальше — спать. Мне ещё самому душ принимать и готовиться ко сну. А у меня, между прочим, режим.

Дочитываю главу, закрываю книгу.

Мила уже почти засыпает, но вдруг открывает один глаз.

— Папа? — сонно зовёт она, а я мысленно начинаю готовиться к «Я хочу кушать, писать, пить» и так далее.

— Да?

— Ты самый лучший папа на свете.

Её признание заставляет меня застыть... Сердце пропускает удар.

— Спасибо, солнышко, — глажу её по волосам. — Спи крепко.

Осторожно встаю, поправляю одеяло, выключаю ночник.

Оборачиваюсь на пороге на Милу, а та уже мирно сопит, обняв плюшевого зайца.

У меня есть дочь...

И она спит... после того, как я ей почитал... Она назвала

меня лучшим папой... И она в моём доме...

Я всё ещё в шоке, но мне нравится происходящее.

Выхожу в коридор, тотчас столкнувшись с Анной Ивановной.

— Яков Евгеньевич, всё хорошо? — спрашивает она.

— Более чем, — улыбаюсь, плотно прикрыв дверь. — Хотя я только что узнал, что не умею читать сказки с правильными голосами.

— Научитесь, — подмигивает Анна Ивановна. — Это дело практики. Уснула?

— Ага, — киваю. — И я пойду... Завтра дел куча.

— А откуда девочка-то? Обещали рассказать же, — напоминает она, и я, вздохнув, коротко описываю происходящее.

— Ну и вот! Завтра начну няню искать, но вы ведь, если что, подстрахуете меня, когда в больницу поеду? — уточняю у домработницы.

— Спрашиваете ещё, — фыркает она. — Помогу и подскажу, если что! У меня три внука!

Попрощавшись с женщиной, захожу к себе, чувствуя, как внутри разливается тепло.

Пять лет я пропустил, но сегодня был первый вечер. И он был... волшебным.

Засыпаю с улыбкой, а в голове крутится фраза Милы: «Ты самый лучший папа на свете».

И я сделаю всё, чтобы это было правдой. Не только в её глазах, но и на самом деле.

Но первым делом нужно вернуть девочке маму...

Глава 3

Утро начинается с аромата свежесваренного кофе и... громкого «Фу!» из столовой.

Вхожу в просторную столовую, где Мила сидит за огромным дубовым столом. На нём тарелка с идеальной порцией овсяной каши, украшенной ягодами. Перед девочкой серебряная ложечка, которая выглядит так торжественно, будто предназначена для королевских приёмов, а не для пятилетней непоседы.

— Папа, я не буду эту кашу! — жалуется она мне, стоит мне подойти к ней. — Мама меня не так кормила.

— А как? — уточняю у нее.

— Зефирками, мармеладками и шоколадными шариками. И мороженым... И... — уходит она в фантазии.

Да, конечно! Таня ее таким кормила... Так я и поверил!

Таня на завтрак всегда готовила рисовую или манную кашу. Овсянку она не очень умела варить. За овсянку я отвечал обычно. А Таня украшала кашу ягодами.

— Ну как мама вернется, устроим праздничный завтрак, а пока каша, — заявляю ей, решив не уличать малышку во лжи.

— Она не вкусная! — скрестив руки на груди, протестует малышка. — У мамы не такая каша!

— Мила, — стараюсь говорить максимально спокойно. —

Это очень вкусная каша. Анна Ивановна старалась, — ука-
зываю на женщину

— Но я не хочу кашу, — Мила отодвигает тарелку так ре-
шительно, что ложка звенит. — Я хочу бутерброды! С сыром
и клубничным джемом!

— Солнышко, — сажусь напротив ее. — Каша полезная.
Она даёт силы, чтобы бегать, прыгать и... строить шалаши.
Жаль, что с ней нельзя, как с солдатами. Приказал и все.
Эх...

— У меня и так много сил! — Мила демонстративно вска-
кивает со стула и делает пару прыжков. — Смотри!

— Впечатляет, — киваю. — Но каша...

— Нет! — она скрещивает руки на груди. — Бутерброды!
Бросаю беспомощный взгляд на Анну Ивановну, которая
стоит у двери с кофейником. Она едва заметно улыбается.

— Дети, — пожимает плечами Анна Ивановна. — У них
прихоти.

Возвращаюсь к столу, стараясь сохранить достоинство
главы семейства.

— Хорошо, Мила, — торжественно сдаюсь воле неуго-
монной принцессы. — Пойдём на компромисс. Ты съешь три
ложки каши, а потом получишь бутерброд.

— Пять бутербродов! — тут же выдвигает условия Мила.

— Один бутерброд, — настаиваю.

— Три! И с толстым слоем джема! — торгуется чертовка.

— Два, — не уступаю мелкотне. — И джем в разумных количествах, чтобы не пришлось отмывать стены.

— Договорились! — Мила мгновенно берёт ложку и отправляет в рот три огромные порции каши, едва не подавившись. — Всё, я выполнила условия! Где мои бутерброды?

Не могу сдержать смех от вида этого хомяка, у которого щеки набиты кашей.

— Ты жульничаешь! Это были не ложки, а целые ковши!

— Но ты же не сказал, какого размера ложки! — хитро улыбается Мила.

Анна Ивановна уже несёт тарелку с двумя идеально сбалансированными бутербродами. Тонкий ломтик сыра и щедрый слой джема.

Отвратительно...

Но в стиле Тани... И кажется моей дочери...

— Вот, милая, — женщина ставит перед Милой ее приз.
— Как ты и хотела.

— Ура! — Мила хватается бутерброд и откусывает огромный кусок. — Ммм, вкусно! Папа, попробуй!

Нехотя пробую, чтобы не обидеть ребенка, но это оказывается и правда вкусно.

Неожиданно понимаю, что сам не прочь съесть ещё парочку таких.

— Папа, — Мила вытирает джем с подбородка. — А знаешь, каша тоже ничего. Если её есть вместе с бутербродами.

— Вот как? — приподнимаю бровь. — То есть мы можем завтра начать завтрак сразу с бутербродов, а кашу оставить на десерт?

— Точно! — воодушевляется Мила. — Так даже лучше!

— Боюсь, наш с тобой повар не оценит такой подход к питанию, — хмыкаю я.

Смотрю на чудо перед собой. Чумазое от джема лицо, счастливые глаза, крошки на пижаме, и ведь она правда счастлива...

А вот я почти всю ночь не спал. Читал про реабилитацию людей после аварии. Сил, времени, а главное терпения это потребует немало, но главное, чтобы пришла в себя.

— Пап, — Мила допивает молоко и бросает взгляд на меня. — А после завтрака мы пойдём кормить уток в парке?

— Конечно, пойдём, — киваю. — И, возможно, возьмём с собой несколько бутербродов. На всякий случай. Но перед тем как мы пойдём гулять, мне нужно будет уладить пару вопросов. Ты пока разберешь свои покупки. Хорошо?

— Хорошо.

Перед тем, как мы отправимся в парк, я набираю врача и справляюсь о состоянии Тани. Сообщаю доктору, что все лекарства уже нашел и привезу их в скором времени. Пытаюсь еще договориться, чтобы меня пустили к Тане, но врач отказывается.

— Папа, быстрее! — Мила тянет меня за руку, едва не отрывая от земли. — Мы опоздаем на уток!

— Утки никуда не денутся, — говорю ей, стараясь не отставать. — Они же в пруду, а не на деловой встрече.

— Но они могут уплыть на другой берег! — серьёзно возражает Мила. — А там нет бутербродов!

— Логично, — подмечаю детскую логику. — Значит, надо спешить.

Мы выходим из особняка и направляемся в парк. Тот самый, что в пяти минутах ходьбы. Мила прыгает через каждую вторую ступеньку, вертится вокруг себя, размахивает руками и, как всегда, болтает без умолку.

— Папа, а утки умеют летать? А если умеют, почему не улетают? А у них есть домики? А если есть, они там спят? А ты когда-нибудь спал в домике утки?

— Никогда, — честно отвечаю, признаться честно подустав от болтовни. — Но теперь очень хочу попробовать...

Ну а что? В лесу ночевал! Даже в Африке, около костра спал.

— Я тоже! — радостно подхватывает Мила. — Давай построим домик для уток?

— Обязательно, — отвечаю с ухмылкой. — Как только найдём архитектора-утку.

В парке действительно много уток. Они плавают у берега, крикают и поглядывают на нас в ожидании еды.

— Вот они! — Мила замирает от восторга. — Смотри, папа, вон та большая, наверное, мама-утка! А те маленькие её детки!

— Похоже на то, — киваю. — Мила, а у мамы был жених?

— Папа, ну какой жених?! — возмущенно оборачивается ко мне. — У мамы же есть ты. Зачем ей жених!

— А друг?

— Только медведь, — пожав плечами, бросает малышка, успокаивая меня. — А мы дадим уткам бутерброды? Один всего? А то они не ели утром каши. У них мало силы... Плавают ели ели!

— Конечно, — достаю из пакета заранее приготовленные кусочки хлеба. — Только понемножку, чтобы не перекормить.

Мила осторожно бросает крошки уткам. Те бросаются к ним с таким энтузиазмом, что чуть не переворачивают друг друга.

— Ух ты! — восхищается Мила. — Они как дети в садике, когда дают печенье! Только без визга и драк. Утки вежливые.

Садик... Вчера Мила весь день говорила о садике.

В какой садик ходит моя дочь?

Надо наверное ее записать в тот, что рядом с моим домом.

Только зачем ей сад? Я няньку нанять могу...

После кормления уток Мила решает, что пора переходить к более активным развлечениям.

— Папа, а теперь догонялки! — объявляет она и тут же убегает, хохоча.

— Эй, подожди! — я бросаюсь за ней. — Правила! Какие правила?

— Никаких правил! — доносится из-за дерева. — Просто догони меня!

Неуклюже бегу за ней по тропинке.

Когда я в последний раз бегал?

На деловых переговорах?

В спортзале?

С солдатами?

Но, пожалуй, бегать за пятилетним ребёнком — задача посложнее.

Наконец, мне удаётся поймать Милу. Она визжит от восторга и пытается вырваться, но я осторожно подхватываю её на руки.

— Поймал! — торжественно объявляю о своей победе.

— Ты жульничаешь! — хохочет она. — Ты же большой!

— Зато ты быстрая, — улыбаюсь ей. — В кого только пошла?

— В тебя! — гордо отвечает Мила. — Хотя ты не такой быстрый, как я... Иначе бы давно ко мне прибежал! Я тебя так долго ждала...

Мы смеёмся, и в этот момент она смотрит на меня. Глаза сияют, губы растянуты в широкой улыбке... и у меня перехватывает дыхание.

Её улыбка — точная копия улыбки Тани. Та самая, которую я так любил и так часто не замечал. Искренняя, светлая, обезоруживающая. В груди что-то теплеет, будто внутри зажёгся маленький костёр.

Пять лет...

Пять лет я не видел этой улыбки.

Не знал, что она живёт в моей дочери.

И что она может так сильно меня изменить...

— Папа, ты чего замер? — Мила дёргает меня за рукав.

— Теперь я буду догонять тебя!

— Хорошо, — встряхиваюсь, смахивая с себя сантименты. — Но учти, что я тоже быстрый!

— Посмотрим! — она снова убегает.

На этот раз я специально немного замедляюсь, чтобы она меня поймала. Когда Мила налетает на меня с радостным криком «Я тебя поймала!», я делаю вид, что поражён её мастерством.

— Невероятно! — восклицаю. — Ты настоящий чемпион по догонялкам!

— Да! — она торжествующе поднимает руки. — А теперь качели?

— Выбирай! — бросаю ей, обведя рукой парк.

Взяв меня за руку, Мила ведёт меня к понравившимся ей качелям. Сажаю малышку и начинаю раскачивать её, сначала осторожно, потом чуть выше.

— Выше! Ещё выше! — требует она.

— Выше уже опасно, — предупреждаю.

— Но я хочу до облаков!

— До облаков не получится, — смеюсь. — Зато могу до верхушек деревьев.

— Договорились!

Я раскачиваю качели сильнее. Мила хохочет, запрокидывает голову, волосы развеваются на ветру.

Мамочки в парке смотрят на нас выпучив глаза. Перешептываются и ведут себя так, словно я посреди детской площадки шашлык сел жарить... Шашлык из их детей.

А я просто своего ребенка качаю на качелях.

— Я летаю! — кричит она. — Папа, я летаю, как утка!

— Почти как супергерой, — поправляю ее. — Только без перьев.

Она смеётся ещё громче, а я ловлю себя на том, что тоже улыбаюсь во весь рот. Несмотря на мамашек, что смотрят на меня, как на сумасшедшего.

Когда Мила устаёт качаться, мы садимся на скамейку. Малышка пристраивается рядом, кладёт голову мне на плечо.

— Папа? — зовет меня устало и чуть зевая.

Бросаю взгляд на часы. Двенадцать. Надо обеда и... А дети в ее возрасте спят на обед?

— Да?

— А завтра мы опять пойдём в парк?

— Конечно, — отвечаю невозмутимо. — Когда захочем!

— Хорошо, — вздыхает она. — Я сегодня уже устала гулять. Посидим?

— Посидим, — соглашаюсь. — А хочешь я на ручках отнесу тебя домой?

— А так можно? Я же тяжелая... Мама так говорит, —

расстроено тянет она.

— Для меня ты не тяжелая, — успокаиваю ее, поглаживая по голове.

— Пап, а когда мы к маме пойдем? — спрашивает уязвимо. — Или вы с ней в догонялки играете? Один приходит, другой уходит?

— Скоро, солнышко! Скоро, — отвечаю и подхватываю ее на руки, направившись домой.

Малышка поудобнее устраивается, и к моменту, когда я заносу ее домой, уже мирно сопит.

Правда спит она недолго.

Я старался аккуратно ее положить и раздеть. Но стоило только потянуть за один рукав, и малышка открыла глаза, заявив, что выпалась.

И вместо того, чтобы отправиться по делам, я сижу на краю кровати этой вредины и держу в руках книжку с яркими картинками «Кот в сапогах». Мила лежит, укрывшись до подбородка, и смотрит на меня огромными глазами в ожидании сказки.

Только сказка ей нужна не та, что написана в книге.

— Папа, — шепчет мелочь вредная, подсказывая. — Мама всегда начинала так: «В одном далёком королевстве, где звёзды светят ярче, чем лампочки, а облака похожи на зефирки...»

— Кхм... — прочищаю горло. — В одном далёком королевстве... где звёзды... эээ... очень яркие... и облака... ну,

вроде зефирок... жил-был кот. В сапогах.

Мила морщит носик, оглядев меня как строгая учительница непутевого ученика.

— Не так! Ты пропускаешь волшебство!

— Волшебство? — переспрашиваю, не понимая вообще ничего. Придумали свои правила, а мне играй не зная что к чему. — Сейчас...

Перелистываю страницу, делаю глубокий вдох и начинаю заново, стараясь придать голосу нужную сказочную интонацию:

— В одном далёком-предалёком королевстве, где звёзды сияли так ярко, что ночью можно было читать книги без лампы, а облака плыли по небу, словно пушистые зефирки разных цветов, жил-был удивительный кот. И не просто кот, а кот в сапогах!

— Вот! — довольно кивает Мила. — Теперь правильно. Читай дальше!

Читаю, стараясь не сбиваться. Но уже на следующем абзаце спотыкаюсь:

— «Кот был очень... эээ... находчивый и смелый, и он решил отправиться в путешествие, чтобы найти... гм... волшебный кристалл, который исполнял любые желания...

Боже...

Понапридумывают, а мне страдай.

— Папа! — возмущённо прерывает Мила. — Не кристалл, а волшебный амулет! И он не исполнял любые жела-

ния, а только самые добрые!

— Точно, — киваю, лихорадочно пытаюсь вспомнить текст. — Волшебный амулет, который исполнял только самые добрые желания. Так вот, кот надел свои сапоги...

— Красные! — подсказывает Мила.

— Да, красные сапоги, — послушно добавляю. — И отправился в путь. По дороге он встретил... эээ...

— Великана! — подсказывает дальше всезнайка мелкая. — Огромного-преогромного великана, который храпел так громко, что деревья качались!

— Да-да, — подхватываю. — Огромного великана. И храпел он так громко, что... гм... даже облака пугались и разбегались в стороны!

Мила хихикает:

— Ты смешно придумываешь! Но мне нравится. Читай ещё!

Продолжаю, уже смелее импровизируя. Когда дохожу до сцены, где кот перехитряет великана, Мила так увлечена, что приподнимается на локтях.

— И тогда кот сказал великану: «О, могущественный великан, я вижу, ты такой сильный, что мог бы поднять... эээ... целую гору!»

— А великан ответил: «Да, я такой сильный!» — подхватывает малышка. — И он пошёл к горе, а кот тем временем пробрался в замок и нашёл амулет!

— Именно так! — киваю. — И кот вернулся домой, где

его ждали друзья, и устроили праздник с пирогами и... эээ...

— Мармеладом! — радостно заканчивает Мила.

— С мармеладом, — соглашаюсь. — И все были счастливы. Конец.

Закрываю книгу и смотрю на Милу. Она лежит, улыбается, но глаза уже слипаются.

— Это была самая лучшая сказка, — шепчет она сонно.
— Ты читал почти как мама.

— Почти? — приподнимаю бровь.

— Ну... мама ещё добавляла волшебные звуки, — Мила зевает. — Жужжание фей, шёпот ветра... Но ты тоже хорошо.

— Научусь, — обещаю, хотя даже не знаю как этому научиться. — В следующий раз добавлю жужжание и шёпот.

— Угу... — Мила уже почти спит. — Папа?

— Да?

— Спасибо, что ты наконец пришел..

— И тебе спасибо, — тихо отвечаю ей, поцеловав в лобик.

Она засыпает, дыхание становится ровным и тихим. Я осторожно поправляю одеяло, убираю книгу на тумбочку и остаюсь сидеть рядом.

Она такая маленькая, такая беззащитная... и такая родная.

Пять лет я не видел, как она засыпает. Не слышал её сонного бормотания.

Не чувствовал, как маленькое сердечко бьётся рядом...

Не могу оторвать от нее взгляда. Смотрю на её длинные ресницы, на пухлые губы, на прядь волос, упавшую на щёку.

Красивая.

Рука сама тянется к её волосам — осторожно, чтобы не разбудить, провожу пальцами по светлым прядям. Мила чуть шевелит губами во сне, что-то бормочет.

Наверное, продолжает сказку про кота в сапогах.

Сию так минут двадцать, может, полчаса. Не слежу за временем. Забыла о делах даже.

Как я мог столько лет жить без этого? Без её смеха, вопросов, объятий...

Как Таня справлялась одна? Воспитывала, успокаивала, читала сказки. И всё без моей помощи.

Что я вообще знаю о воспитании детей? Я даже сказку нормально прочитать не смог без подсказок!

Никакой из меня отец!

Но тут Мила во сне чуть улыбается, и все тревоги отступают.

Осторожно встаю, наклоняюсь и очень легко, почти неведомо, целую её в лоб.

— Спи крепко, моя маленькая принцесса, — шепчу. — Твой папа теперь рядом. И он больше никуда не исчезнет. Оставляю дверь чуть приоткрытой и выхожу в коридор. Что еще я могу сделать для этого ребенка?

Может правда позвонить невестке и спросить совета? Она больше во всем этом понимает. Я же больше по развлече-

ниям. Знаю, что детям нравятся хлопья, игровые комнаты и сладости. Но Эльза постоянно ругалась, если этого много давали ее детям.

Надо бы узнать, что правильного давать ребенку.

Но... так не хочется никому рассказывать о Миле.

Я боюсь. Очень боюсь потерять Милу... Спугнуть свое маленькое солнышко, которое только вышло... Хочется оставить его только себе.

Глава 4

Около недели мы с Милой живем вместе. Днем она с моей домоправительницей, а я работаю. После мы уходим гулять.

За эти дни мы пытались найти Миле няню, но молодые девушки меня не устраивают. Я считаю, что ребенка-девочку должны воспитывать прилично одетая и выглядящая женщина. Без всех этих коротких юбок и губ больше чем у уток, которых мы с Милой кормим.

Была одна няня, которая понравилась нам с Милой по всем параметрам, но она не успевает за Милой. Дочь у меня активная, шустрая и энергичная. Здесь нужна такая же няня.

Поэтому днем, пока Мила еще не такой ураган и может просто порисовать — с ней сидят, а я работаю. А затем принимаю на себя весь этот безумный хаос.

— Папа, а мама нас услышит? — Мила тянет меня за руку, пока мы идём по длинному больничному коридору.

Сегодня Таню перевели в палату. Она еще не пришла в себя, но к ней теперь можно.

— Думаю, да, — отвечаю малышке, стараясь говорить уверенно. — Даже если она спит, она всё равно чувствует, что мы рядом.

— Тогда я ей всё-всё расскажу! — торжественно объявляет Мила. — Про уток, про качели, про шалаш, который мы начали строить...

— И про бутерброды с джемом, — добавляю с улыбкой, хотя очень взволнован. Я не видел Таню давно. Даже не представляю себе, как она сейчас выглядит.

— Конечно! — кивает Мила. — И про парк, где мы были вчера расскажу.

Мы подходим к палате. Я на секунду замираю перед дверью, собираясь с духом.

Внутри — Таня. Та самая Таня, с которой мы столько спорили, которую я не понимал, с которой развелся, не зная, что у нас будет дочь. А теперь она лежит без сознания, и рядом с ней наша дочь, которая любит её всем своим маленьким сердцем.

Вхожу первым, Мила семенит следом. Она сразу бежит к кровати и забирается на стул рядом.

— Мама! — громко и радостно восклицает она. — Мы пришли! Смотри, это папа! Он теперь живёт с нами, представляешь? Ну, почти с нами... Он живёт в своём большом доме, но мы туда переехали, так что это почти одно и то же!

Остаюсь у двери, наблюдая за ними.

Сердце сжимается.

Таня бледная, подключена к каким-то приборам. Совсем не изменилась. Все такая же красивая, но болезненная. А рядом с ней этот вихрь энергии в виде моей дочери.

— Вчера мы кормили уток! — продолжает Мила. — Они такие смешные, мама. Крякают и толкаются! Я бросила им крошки, и одна утка чуть не укусила меня за палец, но не

успела, потому что я быстро отдёрнула руку. Папа сказал, что утки просто хотели познакомиться поближе.

— Так и было, — подтверждаю, подходя ближе.

Мила поворачивается ко мне:

— Правда? А я думала, она просто хотела мой бутерброд.

— Возможно, и это тоже, — смеюсь, глядя как она прижимает свой пальчик.

Она снова обращается к Тане.

— А потом мы играли в догонялки! И много раз играли. Один раз папа сначала бегал медленно, чтобы я его поймала, но потом разогнался — и ух! Я еле успела увернуться за деревом. А потом я каталась на качелях — высоко-высоко, почти до облаков! Папа сказал, что до облаков нельзя, но до верхушек деревьев — можно. И мы ели круассаны с клубничным вареньем! Часть варенья попала на подбородок, но я всё равно была очень счастлива.

Слушаю её болтовню и чувствую, как в груди что-то теплеет.

— Ещё мы построили шалаш! — продолжает Мила. — Ну, почти построили. Мы поставили две палки и накинули на них одеяло, но ветер его сдул. Но папа сказал, что завтра мы сделаем настоящий, крепкий, и тогда ты сможешь прийти и посмотреть! А ещё мы повесили мой рисунок на холодильник — там мы все вместе, и ты улыбаешься, и папа улыбается, и я тоже! Папа сказал, что это самый лучший рисунок на свете. И он правда самый лучший!

Невольно улыбаюсь. Мила говорит так искренне, так по-детски непосредственно. Будто её слова могут разбудить маму, просто потому что они такие светлые.

— Мама, — вдруг понижает голос Мила. — Ты выздоравливай скорее, ладно? Мы с папой очень ждём, когда ты проснёшься. Я научу тебя строить шалаш, а папа будет делать бутерброды. И мы все вместе пойдём кормить уток. И кататься на качелях. И есть мороженое. Много-много мороженого!

Она замолкает, берёт Таню за руку. Крошечная ладошка на бледной коже ощущается как удар ножом по моему сердцу. Две беззащитные девочки, которых я должен защитить.

— Я тебя очень люблю, — шепчет малышка, наклонившись к Тане. — И папа тоже. Правда, папа?

Сглатываю комок в горле.

— Правда, — хрипло отвечаю я. — Очень любим.

Подхожу ближе, осторожно кладу руку на плечо Милы. Она поднимает на меня глаза. Такие же голубые, как у Тани. И в этот момент я отчётливо понимаю, что я больше не тот человек, что был раньше. Я не могу просто обеспечивать, контролировать, диктовать условия. Я должен быть рядом. Защищать. Любить.

Быть отцом. Не по факту рождения, а по сути.

— Знаешь что? — присаживаюсь на корточки рядом с Милой. — Давай каждый день будем приходить сюда и рассказывать маме, что у нас нового. А когда она проснётся, у

неё будет целая коллекция наших историй.

— Ура! — Мила хлопает в ладоши. — И я буду рисовать картинки к каждой истории! Чтобы мама точно всё представила.

— Отличная идея, — киваю. — А я буду помогать.

— Мама, завтра я расскажу тебе про облака, — Она поворачивается к Тане и громко объявляет. — Какие они бывают и на что похожи. А папа поможет нарисовать их!

Смотрю на них. На мою дочь, полную жизни и надежды, и на женщину, которая подарила мне это чудо... и чувствую, как во мне просыпается сила, которой никогда не было.

— Пойдём, солнышко, — мягко говорю, обращаясь к дочери. — Пусть мама отдохнёт. А мы завтра вернёмся с новыми историями.

— Хорошо, — Мила целует Таню в щёку. — Спокойной ночи, мамочка. Мы завтра придём!

Мы выходим из палаты. В коридоре Мила берёт меня за руку.

— Папа, а ты правда будешь помогать мне рисовать облака? — спрашивает, одарив меня улыбкой.

— Конечно, — улыбаюсь ей в ответ. — Хотя мои облака, наверное, будут похожи на шнур от телефона.

— Папа, ты чего? У телефона нет шнура! Они без шнура... — серьёзно отвечает Мила. — Иначе бы все люди уже запутались со шнурами...

— Ага, — киваю, ухмыльнувшись.

Вот она разница поколений.

Мы с Милой выходим из палаты, но я не спешу вести её к выходу. Мне нужно ещё раз поговорить с врачом.

Отправляю малышку за один из детских столов к другим детишкам, а сам взглядом ищу медика.

— Доктор, — останавливаю врача, который идёт по коридору с папкой в руках. Именно с ним я говорил в тот день, когда Таня попала в больницу. — Можно пару минут?

— Конечно, Яков Евгениевич, — он останавливается, смотрит на меня внимательно. — Что вас беспокоит?

— Состояние Тани, — коротко произношу. — Есть ли прогресс? Когда она может прийти в себя?

Доктор вздыхает, поправляет очки.

— Пока динамика осторожная, — начинает он, но без тени улыбки. — Мы видим некоторые положительные изменения в показателях, но говорить о скором пробуждении рано. К сожалению, в таких случаях нельзя давать стопроцентных гарантий.

— То есть... — у меня перехватывает дыхание. — Она может не прийти в себя?

— Теоретически — да, — мягко отвечает врач. — Но мы делаем всё возможное. Современная медицина творит чудеса, особенно когда рядом близкие люди. Ваше присутствие, поддержка — это тоже часть лечения.

Киваю, но внутри всё сжимается.

Страх накрывает с головой.

Не придёт в себя...

Эта мысль страшит. Не на шутку.

Но поддаться эмоциям не дает маленький ураганчик, который уже наигрался за три минуты.

Мила тянет меня за рукав

— Папа, а мы пойдём кормить уток? Или сначала построим шалаш?

— Да, солнышко, конечно, — машинально отвечаю, но мысли где-то далеко.

Если с Таней что-то случится, что будет с Милой?

Ладно с опекой дела решу за пару минут, а вот ее состояние?

А мое?

Второй раз ее терять я не намерен.

Да и хочу ее лично придушить за то, что она оставила мою дочь без отца.

— Ты какой-то грустный, — Мила заглядывает мне в глаза. — Утки подождут, если ты устал.

— Нет-нет, я в порядке, — выдавливаю улыбку. — Просто задумался. Пойдём строить шалаш, а потом и уток покормим, если дождь не начнется.

По дороге домой я молчу, а Мила болтает без умолку.

— Папа, а давай в шалаше сделаем окошко? Из прозрачного пакета! И дверь из веток, связанных верёвкой. А ещё можно повесить колокольчик, чтобы он звенел, когда кто-то

входит. И...

— Отличная идея, — киваю я. — Окошко, дверь, колокольчик... всё будет.

Но в голове крутится только одно.

Что, если Таня не очнётся?

Что мне тогда делать?

Не закроется ли Мила?

Не потеряю ли я ее?

Не потеряли ли я себя, если с ними что-то случится?

Вечером, уложив Милу спать, я выхожу в сад. Сажусь на скамейку, смотрю на звёзды и наконец позволяю себе осознать весь масштаб страха.

Пять лет я не знал о её существовании, — думаю я. — А теперь, когда она рядом, когда я начал чувствовать, что значит быть отцом... я могу потерять и её, и Таню. Одного за другим. Как тогда жить?

Вспоминаю, как Мила сегодня разговаривала с Таней. Так искренне, так по-детски уверенно, что мама её слышит.

Мы с папой очень ждём, когда ты проснёшься... — говорила она.

И в этот момент что-то во мне щёлкает.

Нет.

Я не сдамся.

Что бы ни случилось, я буду рядом с Милой. Буду строить шалаши, кормить уток, читать сказки с неправильными го-

лосами, учить её всему, что знаю. Буду любить её так, чтобы ей хватило на всю жизнь. Даже если Таня не сможет.

Оставлю службу.

Попрошу брата вернуть мне работу в семейном бизнесе. Все будет хорошо.

Поднимаюсь со скамейки и иду к дому. В окне детской горит ночник. Мила сама попросила его в магазине. Не смог отказать ей.

Я вообще не могу ей отказать никогда.

А что если однажды она попросит, чтобы я сделал так, чтобы Таня пришла в себя? А я не смогу...

Тихо открываю дверь. Мила спит, раскинувшись на кровати, одна рука свисает, вторая обнимает плюшевого зайца. На губах лёгкая улыбка.

Осторожно поправляю одеяло, наклоняюсь и шепчу:

— Обещаю, солнышко. Что бы ни случилось, я буду рядом. Буду заботиться о тебе, защищать, любить. Ты никогда не останешься одна.

Она во сне чуть шевелит губами, будто отвечает: «Я знаю».

Я справлюсь.

Я не один. Рядом — Мила. И надежда. И любовь. Этого достаточно, чтобы идти вперёд!

Долго лежу с закрытыми глазами, прислушиваясь к дыханию Милы в соседней комнате. После недели, проведённой

вместе, я уже научился различать оттенки её сна.

Вот она перевернулась, вот вздохнула чуть глубже, а вот и тихое бормотание — наверное, продолжает во сне кормить уток или строить шалаш.

Поднявшись, я тихо иду к её двери и осторожно приоткрываю.

Мила сидит на кровати, сложив ручки перед собой. Глаза закрыты, губы беззвучно шевелились. В первые секунды боюсь пошевелиться, чтобы не спугнуть этот хрупкий момент.

— Пожалуйста, — шепчет Мила тихим, дрожащим голосом, который даже меня пробирает. — Пусть мама придёт в себя... Пусть она вернётся к нам. И у нас будет настоящая семья. Как у других деток. Пожалуйста, Боженька!

У меня перехватывает дыхание.

Стою прислонившись к дверному косяку, и не могу пошевелиться. В груди что-то сжимает так сильно, что трудно дышать. Её слова ударили в самое сердце.

Мила открывает глаза и тут же замечает меня. На мгновение в её взгляде мелькнуло смущение, но она тут же улыбнулась — той самой улыбкой, что была копией Таниной.

— Папа?

Подхожу к ней и опускаюсь на край кровати, аккуратно притянув малышку к себе.

— Мама обязательно придёт в себя, принцесса, — подбадриваю ее, хотя признаться честно совсем не знаю, что нужно говорить в таких случаях. — Она просто должна услышать,

как ты за неё молишься.

— Правда? — её глаза наполняются надеждой. — Тогда я буду молиться каждый день!

— Так и надо, — глажу ее по голове, даже боясь себе представить, что мое обещание может не сбыться.

Мила прижимается ко мне и обнимает. Недолго звучит тишина. Как никогда пугающая меня тишина.

— Папа? — тихо зовет меня дочь.

— Да?

— А ты ведь тоже хочешь, чтобы мама проснулась? — спрашивает, заглянув мне в глаза.

Сглатываю комок в горле.

— Очень хочу, — шепчу. — Больше всего на свете.

Следующие несколько дней я ловлю себя на том, что невольно прислушиваюсь к каждому звонку телефона. Жду вестей из больницы.

Мы с Милой продолжаем ходить к Тане. Принцесса рассказывает маме о наших прогулках, о шалаше, который мы начали строить, о том, как кормили уток. Её голос звенит в тишине палаты, наполняя её теплом и жизнью.

На третий день, когда мы, как обычно, приходим в больницу после утренней прогулки, медсестра, встречающая нас у входа, вдруг улыбается.

— Яков Евгеньевич, — тихо говорит она. — Ваша жена пришла в себя пару часов назад. Сейчас с ней доктор.

Замираю, не веря своим ушам.

Внутри всё переворачивается. От страха, что это какая-то ошибка, до безумной, почти невозможной радости.

— Почему мне не сообщили?! Сразу же?!

— Мы проводили тесты... Проверяли работу мозга и...

Но мы с Милой уже не слышим.

Подхватываю дочь на руки и несусь в сторону палаты Тани.

Глава 5

Татьяна

Сознание возвращается ко мне рывками. Будто кто-то включает и выключает свет. Сначала я чувствую боль. Она пронизывает всё тело. Ноет голова, ломит рёбра, руки будто налиты свинцом. Каждый вдох даётся с трудом, отдаваясь колющей болью где-то в груди.

Пытаюсь открыть глаза, но ресницы словно склеены.

Наконец получается приоткрыть их на долю секунды. Белый потолок, какие-то провода, писк приборов... Больница.

Что произошло?

Мысли ворочаются тяжело, словно камни.

Пытаюсь собрать их в кучу, выстроить в ряд... Но в голове туман. Липкий и вязкий туман, который не даёт сосредоточиться.

Что было до этого?

Почему я здесь?

Почему так больно?

Авария.

Воспоминание вспыхивает внезапно. Ярко. Как вспышка молнии, и я снова там,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.